

Вадим Слуцкий
«Библия» для родителей. Том 1

Все статьи для журнала «Мой ребёнок»

Вадим Слуцкий
«Библия» для родителей.
Том 1. Все статьи для
журнала «Мой ребёнок»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257838
ISBN 9785448525438

Аннотация

«„Библия“ для родителей» – это книга, составленная из статей, которые В. Слуцкий написал для журнала «Мой ребёнок». Всего в книгу вошли 127 статей из более чем 150 написанных. Первый том включает в себя первые 64 статьи.

Содержание

Все статьи для журнала «Мой ребёнок». Том 1	5
Родители-«гипнотизеры»	9
Мы, взрослые, вынуждены как-то управлять поведением детей	9
Кто кого воспитывает	22
Когда дети лают	31
Ребенок заговорил	37
Книги для малыша	47
О «раннем развитии»	51
Материнская власть	61
«Кибердетки»	67
«Я – хороший!»	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**«Библия» для
родителей. Том 1
Все статьи для журнала
«Мой ребёнок»**

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2543-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все статьи для журнала «Мой ребёнок». Том 1

Родители-«гипнотизёры» (что такое внушение; управление поведением ребёнка с помощью внушения).

Кто кого воспитывает, или Как дети манипулируют взрослыми.

Когда дети лают (о том, как правильно организовать жизнь детей, чтобы они и развивались, и чувствовали себя хорошо; о заорганизованных детях).

*Ребёнок заговорил (от чего зависит развитие речи ребенка; распространённые ошибки родителей).

Книги для малыша (какие книги полезны и интересны детям).

О «раннем развитии» (о правильном и неправильном понимании термина «раннее развитие»).

Материнская власть.

Кибердетки (об увлечении компьютерами, телевизором и видео, о причинах такого увлечения, о том, как оно сказывается на детях).

«Я – хороший» (почему ребёнка, даже если не всегда хорошо себя ведёт, нужно постоянно уверять, что он хороший).

Когда негры загорают (о склонности некоторых родителей развивать в своих детях именно то, что уже и так хорошо

развито).

«Папа, купи!» (что и как покупать детям, чтобы это было полезно для них в воспитательном смысле).

Маленькие лгуны (почему дети лгут и как к этому относиться).

Гигиена души (как научиться владеть собой и своими эмоциями).

«Это – моё!» (почему у ребёнка должна быть собственность).

Воспитание едой.

«Пятёрка» по русскому (что можно сделать, пока ребёнок ещё не ходит в школу, чтобы он был в ладах с русским языком).

Юные джентельмены (как воспитать вежливого ребёнка).

Застенчивый ребёнок.

Родительский стиль.

Ссоримся правильно (конфликты иногда даже полезны; о том, как «ссориться» с детьми так, чтобы это было им на пользу).

Говорим с малышом (как развивать речь детей).

Тактичные родители (что такое «чувство такта», какое оно имеет значение и как его развивать).

*К истокам мысли (развитие речи и мышления на прогулке).

Конкуренты (о братьях и сестрах, о том, почему они часто ссорятся и как научить их дружить друг с другом).

Без папы (как правильно воспитать ребёнка без отца).

Любовь в коротких штанишках.

Дети-шалуны.

Послушные дети.

Гиперобщительность.

Дети-Робинзоны (о патологически необщительных детях).

Основы дракологии (о драках детей).

Смелый ребёнок (как воспитать ребёнка смелым).

Больной ребёнок (как вести себя с детьми, которые часто болеют).

Трудолюбивый ребёнок.

Детская жестокость.

Воспитание до года.

Лечение творчеством (о творчестве как психотерапии).

*Увлечение чтением (как увлечь ребенка чтением).

Наказывать или нет?

Выбираем школу.

Какая я мама? (как научиться объективно оценивать свои достоинства и недостатки – именно в качестве мамы).

Отец и мать (о роли в воспитании матери и отца).

Что такое рефлексия.

Как понять ребенка? Эмпатия. Активное наблюдение.

Талантливый ребёнок (что делать, если ребёнок очень рано обнаруживает какие-либо таланты).

Мальчики и девочки (в чём разница между ними, как вос-

питывать мальчиков и как девочек).

Подводные камни воспитания (о самых распространённых ошибках в воспитании).

Бабушколандия (об отношениях детей с бабушками и дедушками, о том, когда они полезны, когда нет).

Детишки-воришки (детское воровство, его причины, как вести себя с ребёнком, если он ворует).

Семейные обычаи (почему важно, чтобы в семье были обычаи).

Единственный ребёнок.

Плюшевые воспитатели (о мягких игрушках).

На пороге детского сада.

Детский сад со всех сторон (о выборе детского сада).

Адаптация к детскому саду.

О разновозрастных группах в детском саду.

Мой дом (что должно быть в комнате ребёнка).

Перед великим шагом (о чём стоит подумать будущей маме накануне родов).

Нравственный ребёнок (как воспитать человека, который будет соблюдать нравственные нормы).

Игра или работа? (что больше нужно ребёнку?).

Что такое воспитание?

Зачем нужны родители?

Зачем нужны дети?

Ребёнок и смерть (как дети воспринимают смерть, как вести себя, если умер кто-то из близких).

Родители-«гипнотизеры»

Мы, взрослые, вынуждены как-то управлять поведением детей

Мальши должен вовремя ложиться спать, вовремя есть, не выбегать на дорогу под колеса машин – и пр., и пр. Как же научиться управлять поведением маленького человека наиболее эффективно и в то же время безболезненно: так, чтобы избежать всяких конфликтов с ним?

Оказывается, это вполне возможно, если освоить управление с помощью внушения. И хотя всем известный гипноз – одна из разновидностей внушения – задача эта вполне реальна для любого взрослого человека.

На ужин была манная каша. Миша сел за стол без энтузиазма.

Мама сказала строго:

Смотри не объешься! Опять живот заболит!

Миша посмотрел на маму с удивлением: это когда же он объедался манной кашей? Слава Богу, четыре года живу – такого не было! Но мама неумолима:

Нечего на меня смотреть невинными глазками! Всем из-

вестно, как дети любят манную кашу!

Миша подумал и спросил:

А какие?

Это у него конкретное детское мышление: ему обязательно нужно знать, какие это дети, как их зовут, где они живут.

Какие? Да все! Я сама знаешь как любила манную кашу, когда была маленькая! Ого-го!.. Помню, мама – твоя бабушка – наварит ее целый котелок, я проберусь без спросу на кухню, и ем-ем-ем, прямо не могу оторваться. Однажды весь котелок слопала!

Лопала????

Ну, съела... Так что, ты смотри у меня: подавишься еще от жадности. Ешь небыстро. И добавки не проси – не дам!

Миша глубоко задумался. И так, размышляя, я бы даже сказал – медитируя, съел всю кашу.

Поели – надо убрать со стола. Мама – папе:

Я мою – ты вытираешь!

Нет, я мою – а ты вытираешь!

Нет, мой милый: я мою! А ты – завтра...

Миша:

А я?

А ты иди, поиграй. Ты еще не заслужил право мыть посуду!

А я хочу!

Мало ли чего ты хочешь! Заслужи – тогда будешь мыть. Это уж давно известно: все дети обожают мыть посуду! Но –

сначала надо заслужить!

Миша уже не спрашивает, где есть такие дети, которые любят мыть посуду, можно ли на них посмотреть хотя бы одним глазом. И из кухни не уходит.

Мама и папа, не обращая на сына внимания, принимаются за работу. Дело идет весело, с шуточками и прибауточками.

Сзади между тем слышатся вздохи, потом тихое посапывание, немного похожее на гудение автомобиля, когда он заводится, только жалобное: это Миша собирается плакать.

Мама:

Ты что это, почему до сих пор не ушел?

Миша:

А-а-а!.. У-у-у!!.

Чего реवेशь?

Мы... мы...

Не мычи – ты не корова!

Мыть хочу!

Мама обращается к папе:

Ну что ты с ним будешь делать? Ладно уж, пусть помоеет одну тарелочку.

Миша мгновенно умолкает. Дети вообще плачут, чаще всего, вполне целенаправленно: цель достигнута – плач прекращается.

Миша вместе с мамой моет тарелку: мама ее держит и показывает, что и как нужно делать.

Помыли. Мама:

Ну, доволен?

Ага!

Миша улыбается: он доволен.

К сожалению, не могу сказать по чистой совести, что такие семейные сцены мне часто удается наблюдать.

Вообще-то родители чаще всего ведут себя так: не любит ребенок есть манную кашу – его надо уговорить (убедить!).

Ешь сейчас же! Манная каша полезна для желудка. От нее животик никогда не болит. Все дети должны есть манную кашу..., – и т.д., и т. п.

С мытьем посуды та же история. Конечно, каждый нормальный родитель хочет, чтобы ребенок сам убирал за собой: это ведь, кроме всего прочего, еще и воспитательный момент. Но как этого добиться? Опять-таки – убедить! Воззвать к его коммунистической сознательности (или – некоммунистической, неважно).

Но откуда она у него? – вот в чем вопрос!

Когда мы говорим: «Кашу есть полезно!» – это обращение к сознанию. Предполагается, что ребенок подумает: «А в самом деле, каша весьма полезна для моего растущего организма! Значит, необходимо ее отведать!» То есть проанализирует ситуацию, взвесит все «за» и «против» и примет верное – разумное – решение.

Увы! Это же ребенок.

На самом деле ребенок наши слова воспринимает *как*

внушение, и содержание его такое: «*Меня уговаривают есть кашу, значит я не хочу ее есть!*» Соответственно этому внушению формируется поведение ребенка.

Итак: *обращаясь к сознанию ребенка, мы обращаемся к тому, чего нет*. Пока нет. Не сформировалось еще.

А вот подсознание есть – и не только у детей, но и у животных. Но восприятие на уровне подсознания совсем не похоже на сознательное восприятие.

Подсознание «думает» так: раз меня уговаривают, – значит, это что-то нехорошее. Не буду этого делать!

Это и называется внушением. То, что взрослые считают обращением к сознанию (ведь именно так они привыкли общаться между собой), на ребенка до 5 лет, как правило, действует как *внушение*.

С внушением мы сталкиваемся постоянно. Если на вас лает собака и вы ее боитесь, она «звереет»: это вы ей внушили агрессивные «намерения» своей боязнью. Если же решительно идти прямо на собаку, она убежит: опять-таки внушение, только другое по содержанию.

Проявляя робость – мы внушаем собаке уверенность (а так как собака – хищное животное, то и агрессивность). Проявляя «смелость» – внушаем неуверенность. Раз человек отступает – я должна нападать, – «думает» собака. Раз наступает – мне надо удирать!

Или вот Миша, который сначала был недоволен (тем, что ему не дают мыть посуду), а потом стал доволен (тем, что ему

разрешили ее помыть: счастье-то какое!). Почему он сначала был недоволен, а потом стал доволен? Потому что ему *внушили*, что мыть посуду – это какое-то особое право, привилегия: папе можно – а ему пока нельзя. Это что-то хорошее, приятное: таково было содержание внушения. Ему, естественно, тоже захотелось это делать. Как и любому нормальному ребенку на его месте.

Можно объяснить, что такое внушение, по-другому. Это взаимодействие на основе жестко закрепленных РОЛЕЙ (как в театре), когда одна роль предполагает другую.

Представим себе, например, такого важного, солидного человека. Он невольно ВНУШАЕТ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ к себе. А суетливый, нервный – наоборот, внушает к себе непочтительное отношение. Одна роль жестко задает другую роль. Я важный – ты почтительный. Я суетливый – ты непочтительный.

Если мы радуемся человеку – то внушаем хорошее отношение к себе (он мне радуется – значит я к нему хорошо отношусь, – так «рассуждает» подсознание). Если злимся и раздражаемся – наоборот. Роль Радостного предполагает роль того, кто его РАДУЕТ. Роль злого – того, кто ЗЛИТ.

Своим поведением мы как бы предлагаем (или даже навязываем) другому определенную роль. Вот только – понимаем ли мы сами, КАКУЮ именно РОЛЬ?

Раз мы отвечаем за детей, заботимся о них, то вынуждены управлять их поведением. Вопрос в том, как это делать.

Скажем, малыш не хочет есть манную кашу. Или нам кажется – мы боимся – что он не захочет. Даже если это на самом деле не так, то будет так: взрослый своей неуверенностью, своими уговорами внушит ребенку, что манная каша – большая гадость. В итоге приходится заставлять малыша есть кашу.

Но я здесь не собираюсь обсуждать подобный способ управления детьми. Т.е. простое насилие. Хотя и уверен, что взрослый имеет на него право, если исходит из подлинных интересов ребенка (его безопасности, здоровья и пр.), а не своих эгоистических интересов. Но – это слишком просто.

Кроме того, *постоянное насилие* развращает.

Значит, родителям нужно научиться управлять поведением ребенка, не прибегая к насилию (или прибегая к нему редко, в отдельных случаях). А это возможно *с помощью внушения*.

Мы всегда как-то «гипнотизируем» своих детей – пусть и сами того не замечая. Но если мы не понимаем, что внушаем; если ждем сознательного поведения от ребенка, но не способны на него сами, – то внушаем мы, как правило, не то, что нужно.

В результате, имеем армию детей, не желающих есть манную кашу, мыть посуду, чистить зубы, пить рыбий жир –

и пр., и пр. Хотя они могли бы все это делать вполне добровольно и даже с удовольствием. Если бы взрослые были «зрячими» в отношении собственных внушений.

Заметьте: когда мы внушаем не то, что следовало бы, то сами не понимаем, что внушаем. А вот мама Миши очень хорошо понимает, что делает.

Вообще управление поведением другого возможно только через сознательное овладение своим собственным поведением.

Допустим, малышу говорят: «Хватит уже гулять! Домой пора!» Содержание внушения: «Гулять очень приятно, хорошо. Я хочу гулять подольше, я не хочу домой» (раз меня приходится уговаривать идти домой). Роли Уговаривающего соответствует роль Упрямки (Того, Кого Нужно Уговаривать).

Но если вы хотите, чтобы ребенок делал что-то (например, вовремя возвращался с прогулки), нужно всем своим видом внушать ему, что это что-то хорошее, приятное (интересное, почетное и т.п.) – и он это сам хочет делать. (И наоборот: чтобы отучить от чего-то – нужно заставлять, постоянно назойливо спрашивать это делать).

Как это ни покажется странным, *о том, какой он и даже чего ему хочется, ребенок, чаще всего, узнает от взрослых!*

Так что просто нам нужно научиться внушать то, что требуется: давать малышу правильные роли.

Мишина мама вела себя так, будто ее сыну уже хочется

«лопатель» манную кашу и мыть посуду. И ему действительно захотелось.

Теперь давайте подумаем вместе.

Допустим, вы гуляете с ребенком. Пора идти домой, а он не желает.

Можно повернуться к крохе спиной и уходить, словно забыв про него. Это малыша пугает (мама уходит, а я остался!) – он бежит за мамой. Так делают многие. Но это управление с помощью страха. А если ему нечего бояться – он не будет слушаться. В конце концов, управлять поведением такого чада можно будет *только с помощью страха*.

Можно объяснить, что у вас много дел, что вы больше не можете с ним гулять. Если ребенку 5—6 лет и он уже приучен считаться с другими людьми, все будет хорошо. А если ему 3 годика? Ему еще больше захочется гулять (эффект «запретного плода»: раз уже нельзя – то очень хочется!).

Можно просто увести силой. Это вызовет внутреннее сопротивление (всякому человеку, даже самому маленькому, неприятны покушения на его самостоятельность), хотя малыш пока физически не в состоянии с вами бороться. Но когда-нибудь он будет в состоянии. Стоит ли разжигать в нем «жажду бунта»?

Наконец, можно – еще задолго до конца прогулки – говорить крохе: «Не торопись так домой! Успеешь! Давай еще погуляем», – а на уверения ребенка, что он вовсе и не торо-

пится, отвечать с полной уверенностью: «Неправда! Я же вижу, что ты хочешь домой. Тебе хочется... (поиграть машинкой, посмотреть мультики и т.п.)». «Раз мама так уверена, что я хочу домой, значит я действительно хочу!» – так «рассуждает» подсознание крохи.

Выбирайте сами, какой способ лучше.

Кстати, управление с помощью внушения еще тем хорошо, что нам самим становится интересно: что-то все время нужно придумывать, изобретать. В то же время это совсем не трудно.

Хотя – не стоит абсолютизировать этот метод. Иногда лучше прямо попросить: «Миша, пожалуйста, перестань кричать: у меня болит голова!» Конечно, если вы уверены, что он перестанет. Тогда он это сделает из любви к вам!

Ребенок – это человек. Его нельзя постоянно «дергать за веревочку», как куклу, даже если мы умеем это делать. В норме управление с помощью внушения, конечно, должно постепенно уступить место «само-управлению».

Но пока ребенок мал, его поведением приходится управлять. А это удобно делать с помощью внушения.

Итак.

Если вам нужно, чтобы малыш что-то сделал – причем, вполне добровольно, без всякого принуждения — ни в коем случае не убеждайте его, что это нужно сделать

(тем самым вы внушаете ему, что ему этого делать не хочется, – ставите в позицию сопротивления вашим намерениям), не уговаривайте и не заставляйте (опять же – в этом случае взрослый изначально предполагает, что ребенок будет ему сопротивляться);

напротив, держите себя с видом полной уверенности в том, что малыш все, что нужно, обязательно сделает, что он сам хочет это сделать, что просто не может такого быть, чтобы он этого не сделал;

все, к чему вы хотите приучить малыша, у него на глазах делайте с удовольствием, весело и бодро;

постоянно внушайте малышу, что он хороший, добрый, честный, даже если некоторые его поступки этого не подтверждают: тогда он со временем обязательно сам поверит, что он и впрямь такой – и так и будет себя вести.

Херлуф Бидstrup. Рыбий жир.

Кто кого воспитывает

или Как дети манипулируют взрослыми.

Сережина мама – деловая дама. Она очень занята. Домой приходит измочаленная, без сил. И как-то непонятно, замечает сына или нет. И сыну поэтому тоже как-то непонятно, есть ли он на свете или его нет.

Ребенок уверен в собственном существовании только тогда, когда его замечают другие, прежде всего, самые близкие люди. А если они не замечают? Надо как-то сделать, чтобы заметили!

Однажды Сережа заболел. Было ему тогда почти 3 года. От природы на редкость здоровый был мальчик. Но вот заболел все-таки.

Это было такое счастье! Мама сидит дома. Мама все время с ним. Она ухаживает за ним, заботится о нем, беспокоится о нем. Ура, я есть! Я существую!!

Сережа болел долго, непонятно даже почему. Вроде бы было простое ОРЗ, а мальчик очень здоровый, захворал в первый раз.

С тех пор Сережа стал болеть. Я видел его медицинскую карточку: она похожа на «дело Ходорковского-Лебедева» из Мещанского суда. Чего там только нет!

Может ли ребенок болеть специально? Знакомый профес-

сор медицины, педиатр, нисколько не удивился моему вопросу, сказал: «Господи! Ну, конечно!»

Оказывается, это «научно-медицинский факт»: дети нередко болеют специально! И не только дети! Есть целая литература на эту тему. Болеют не «от чего», а «для чего»: чтобы решить какую-то свою человеческую проблему, которую по-другому решить не удастся.

Как это происходит, до конца пока неясно, – как и многое пока еще нам неясно в человеке. Но это факт: не только тело влияет на дух, но и дух влияет на тело. Причем, влияет вполне целенаправленно.

Разумеется, в данном случае «специально» не значит «сознательно». «Решило заболеть» не сознание, а подсознание ребенка.

Тем самым Сережа научился управлять своей мамой, добиваясь от нее удовлетворения своей органической потребности быть в центре ее внимания, быть тем, кого она замечает. Увы, это сделало мальчика неврастеником.

Дети часто манипулируют взрослыми. Уже из истории Сережи понятно: счастливые дети к этому мало склонны. Это характерно для несчастных детей.

Впрочем, несчастного ребенка не всегда просто распознать. Вот Таня – она кажется очень счастливой. У нее и мама, и папа, и бабушка. Бабушка и мама не работают. Папа работает и очень много зарабатывает. У Тани столько нарядов, сколько не у всякой кинодивы бывает. Иногда в течение дня

ее переодевают раз по пять: и все такое красивое, тщательно подобранное. Какие прически ей бабушка делает! Какие вкусные вещи покупает! Но – все это не просто так. Бабушка и мама любят послушных детей.

И Таня очень быстро научилась: склони головку, пригнись, потупь глазки, а то и слезу пусти. И простят. За спиной у взрослых делай, что хочешь, но не попадайся! А попалась – сумей угодить, разжалобить, продемонстрировать беспомощность.

Так делают животные: если большая собака нападает на маленькую, та принимает «позу покорности»: валится на спину, лапки кверху, как щенок, демонстрируя полную беспомощность, – и агрессор отступает.

Таня всегда весела, довольна, безмятежна, здорова. Но подлинной любви, настоящих человеческих отношений она не знает. Человеческого счастья не знает эта девочка: его заменяет животное довольство.

Она научилась управлять близкими взрослыми (хотя им кажется, что это они ею управляют). К чему это приведет для нее?

Само слово «манипулирование» означает, что человеком управляют *как неживым предметом*. Как будто это робот: есть у него такие кнопки, нажмешь на нужную – получишь то, что хочешь.

Грозятся наказать? Надо заплакать, изобразить неутешное горе – простят! Хочешь, чтобы родители купили что-

то? – веди себя как пай-мальчик (или пай-девочка) – и все будет! И т.д., и т.д., и т. д.

Кто же кого здесь воспитывает? Если не взрослые управляют ребенком, а он ими управляет?

Впрочем, для ребенка это всегда кончается печально. Только он сам об этом не подозревает. Он живет здесь и сейчас и хочет добиться чего-то сейчас, притом, сам того не осознавая. Откуда ему знать, к чему это может привести, как это отразится на его жизни?

Конечно, только взрослые способны осознать ситуацию и овладеть ею.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что с детьми нужно вести себя всегда так, чтобы они от нас никогда ничего не могли добиться. Ребенок попросил – папа или мама купили. Это совершенно нормально.

Но это и не значит становиться объектом манипуляций. Здесь все делается явно, и взрослые понимают мотивы ребенка и *сами* принимают решение.

Когда же нами манипулируют, мы превращаемся в биологически живые куклы, которые кто-то дергает за ниточки, а куклы этого не замечают.

Превратив маму в куклу, ребенок может добиться от нее каких-то сиюминутных прагматических целей. Вот только он при этом теряет маму. Потому что кукла, пусть и биологически живая, не может быть матерью. Не может быть другом и воспитателем.

Он что-то приобретет – но чего-то другого, гораздо более важного, лишится. И не его в том вина.

Когда мы даем детям возможность манипулировать собой, мы теряем себя: перестаем быть взрослыми людьми, разумными, сознательными и ответственными. Перестаем быть родителями и воспитателями собственных детей. Мы больше не хозяева положения. С ребенком что-то происходит, а мы и не знаем, что.

Сережина мама кажется самой себе Хорошей Мамой, когда она самоотверженно ухаживает за больным сыном. Это даже приносит ей какое-то удовлетворение, потому что в глубине души она чувствует, что работа для нее на первом месте и сыну она уделяет мало внимания.

Танины мама и бабушка уверены, что они хорошо заботятся о Тане: она у них послушная, ухоженная, веселая, здоровая.

Слепота взрослых губит детей.

Когда тот, кто должен быть ведомым, превращается в ведущего, то впору вспомнить изречение из Евангелия: «Может ли слепой вести слепого? Не упадут ли оба они в яму?»

И кто тогда будет в ответе?

Любой ребенок в своей жизни совершает одно очень важное для себя открытие: он обнаруживает, что своим криком, плачем, движениями ручек и ножек может управлять поведением тех, от кого зависит удовлетворение его потребности.

стей и желаний, – мамы, папы, бабушки, няни. И тут же начинает этим пользоваться.

Удивляться здесь нечему: ведь и животное может научиться манипулировать человеком. Собака, которая хочет гулять, лает, носится по комнате, пристает к хозяину и, в конце концов, может допечь его – он действительно пойдет с ней гулять, хотя еще не пришло время. И собака «поймет»: так можно добиться своего! А ребенок, уж конечно, «не глупее» собаки.

И вот, когда он сделал это открытие, то все будет зависеть от близких взрослых, прежде всего, от мамы. Если она сумеет разобраться, где тут крик и плач, вызванные серьезными причинами; где проявление потребности, которую нужно удовлетворить, а где каприз, своевольное желание получить дополнительную порцию внимания и ласки; если ее реакция определяется ее осознанным решением, если это не импульсивный ответ на то, что делает ребенок, на его крик и плач, то постепенно маленький тиран заметит: ничего не получается! Оказывается, этими взрослыми нельзя манипулировать: они делают только то, что сами решили сделать – независимо от моих желаний. Они неуправляемы!

И это еще одно важнейшее открытие: оказывается, другие люди существуют не только для удовлетворения моих желаний! Они реальны, они – сами по себе!

Все это происходит тогда, когда ребенок еще не умеет ни ходить, ни говорить. Тем не менее, у него уже появилась

определенная позиция по отношению к взрослым (и даже – вообще к людям): либо это позиция «все люди – для меня»; либо – «люди существуют сами по себе, независимо от меня».

И затем ребенок уже, во многом, ведет себя, исходя из этой, укоренившейся в его подсознании, позиции.

Известно, что дети во время т.н. «кризиса младенческого возраста» (он бывает в 2—3 года) крайне нуждаются во внимании взрослых ко всему, что они делают, и в одобрении взрослых. Но что, если достаточно внимания и одобрения ребенок не получает? Он попытается привлечь к себе внимание «плохим поведением»: будет кричать, шуметь, станет чудовищно назойлив. Добьется своего? Тогда такое поведение начнет закрепляться.

Вполне вероятно, что, став школьником, этот ребенок будет таким же способом привлекать к себе внимание учителя и одноклассников: в его подсознании «записано», что люди обращают на него внимание тогда, когда он «плохо себя ведет».

Конечно, важно не только осознать, разгадать попытки детей манипулировать нами. Важно и их предупредить, а это возможно, если мы удовлетворяем все, или по крайней мере, почти все основные потребности ребенка: как биологические, так и духовные.

И все-таки избежать соблазна поманипулировать взрослым человеком дети, как правило, не могут. Причина не в их

испорченности, а в их слабости. Это естественно для них.

Но если мы не поддаемся, если «ниточки», привязанные к кукле, рвутся в руках ребенка, и он обнаруживает, что кукла – вовсе не кукла, а человек, живое существо, самостоятельное и свободное, что им невозможно манипулировать, – то вот тут-то и начинается его социализация: теперь он учится понимать людей, строить с ними отношения на равных.

Если же ребенок научился манипулировать близкими взрослыми, и это его вполне удовлетворяет, то происходит самое страшное: его развитие тормозится. Он уже не пытается чему-то учиться в общении с людьми: ему кажется, что он уже научился всему, что ему нужно.

Но ведь живое тем и отличается от неживого, что движется, меняется, развивается. А такой ребенок перестает развиваться, по крайней мере, в этом отношении.

Привыкнув быть окруженным куклами, взаимодействовать с куклами, он сам постепенно становится куклой.

Есть такая восточная игра: несколько кукол особым образом связывают тонкими нитями. Если дернуть одну из них, все фигуры начинают двигаться: одна делает шаг, другая поднимает руку, третья открывает рот. Они как бы живут самостоятельной жизнью. И каждый раз это происходит по-другому.

Одна кукла приводит в движение другую, та – третью. Одна словно бы отвечает другой. И детям нравится эта игра, им

кажется, что куклы – живые, что они «пляшут сами по себе».

Но это – иллюзия жизни, а не подлинная жизнь.

Когда дети лают

В садике, где я работаю, недавно состоялся малый педсовет. Обсуждали одного-единственного ребенка, зовут его Владик. Ему 5 лет, и он из образцово благополучной семьи.

Владик умный и интересный мальчик, но это когда с ним говоришь наедине. В группе он почти нетерпим, потому что ведет себя порой просто как двухмесячный щенок.

Играем, например, в «котов и мышей». Надо посчитаться: кто будет котом. Владик:

Я, я буду котом!

Ариша или Вика (наши шестилетки) его останавливают:

Да подожди ты. Посчитаемся!

Владик:

Я, я буду считать!

Но кто-то уже говорит считалку. Владик:

У-у-у!! – ревет, словно его побили, закрывает голову руками, ложится на пол, бьется в истерике.

В играх он не соблюдает никаких правил, хочет всегда быть в центре внимания. Он никогда не бывает спокоен: или смеется, размахивает руками, прямо пенится от радости, – или мрачен и уныл. Эмоции у него переходят одна в другую мгновенно, без всякого промежутка между ними.

У Владика отсутствует произвольное внимание (крайне редкое явление в этом возрасте). Вот идет занятие, дети что-

то лепят за своими столиками, лепит и Владик, кажется, он даже больше всех увлечен своей работой. Но вдруг мимо, жужжа, пролетела муха. Владик сорвался с места, бросился за мухой, налетел на воспитательницу. Глаза выпучены, размахивает руками.

Воспитательница его схватила, он ее чуть ли не ударил: так ему не терпится поймать муху.

А однажды он действительно ударил воспитательницу: तो-ропился в бассейн, а она его не пускала без пакета с купальными принадлежностями – пакет же куда-то делся – и Владик ударил воспитательницу. Прямо при всех.

На педсовете все (в том числе и мама мальчика) сошлись на том, что Владик хорошо развит интеллектуально и функционально (с точки зрения развития отдельных способностей и т.н. «психических функций»: памяти, воображения), но инфантилен, с очень серьезной задержкой в личностном развитии. Эмоционально он как двухлетний.

В чем дело?

И вот тут обнаружилась интересная вещь. Владик ходит в школу. Там он учится читать, считать, изучает английский язык. Он занимается музыкой и рисованием. Ходит в детский центр «Умничка». «А вы ничего не забыли?» – спросили у мамы. Оказывается, таки забыла: он еще танцами занимается. Бальными! В группе «Party Dance»!

Я спросил: «А когда же он отдыхает?» Мама спокойно ответила: «После девяти вечера». У Владика нет друзей, кро-

ме садика он ни с кем не играет: некогда. А как он играет в садике, я уже рассказал.

Оказывается, папа Владика уверен: пока ребенок маленький, в него нужно вложить (в смысле – впихнуть) побольше. Вырастет – будет среди лидеров, а не аутсайдеров.

Да, это знамение времени. И, конечно, не повернется язык осудить родителей, которые хотят всяческого блага своему ребенку, тратят свои деньги, и деньги немалые.

Вот только они не понимают, что такое развитие человека.

Человек полноценно развивается тогда, когда условия его существования гармоничны, когда его жизнь разнообразна. Общение со сверстниками – это тоже важный опыт, тоже развитие. Игры и увлечения, даже самые простые, тоже многое дают для развития ребенка: это доказано. Копаясь в песочке, часами ползая по траве за каким-нибудь жуком, ребенок развивается – возможно, более интенсивно, чем на каких-то специальных курсах.

А отношения с близкими людьми, теплота человеческих отношений? Как такой заорганизованный ребенок может ее почувствовать? Ему вечно некогда. Бабушку и дедушку он видит только по праздникам.

И получается уродец, с огромным раздутым интеллектом, но без сердца и души. Будущий лидер.

Нам было очень трудно уговорить родителей Владика «оставить его в покое», разгрузить его. Странно: почему им так тяжело от этого отказаться?

Во-первых, чувствуешь себя Хорошим Родителем: я все делаю для своего ребенка! Вкладываю кровные денежки в его будущий успех! И в то же время, сам-то этот «Хороший Родитель» ничего не делает. Он передоверил воспитание своего ребенка наемным работникам.

И делать ничего не надо – и совесть спокойна.

Но не все в жизни покупается за деньги. Воспитание и развитие, например, – это феномен того же порядка, что любовь, дружба, милосердие. Их нельзя купить за деньги. Только родители могут воспитать своего ребенка. Только родители!

И воспитать не кошельком своим, а своей душой, своим пониманием, своими каждодневными усилиями.

Но взрослым людям, активно включенным в социальную жизнь, очень свойственно поддаваться влиянию социума. А время зовет: «Вкладывай деньги в образование своих детей!» Десятками, сотнями открываются «детские центры», где малышей учат читать с помощью кубиков Зайцева, а также других суперпередовых методов, чуть ли не раньше, чем они начнут говорить; где их всячески образуют и развивают.

Это соблазн. Отвести ребенка, заплатить – в конце концов, так легче. Чем самим думать, искать, стараться понять.

Но наемный специалист, пусть самый лучший, не заменит отца и мать. И самые напередовые методы обучения не дадут ребенку то, что даст ему бабушкина сказка. И, кстати,

как много среди всяческих «центров» таких, которые, собственно, не столько для детей существуют, сколько для своих, вполне взрослых, сотрудников: просто люди так зарабатывают деньги. И это совсем не плохо само по себе.

И если ваш ребенок ходит на танцы или музыку, это тоже, конечно, само по себе совсем не плохо. Плохо, когда «организованное развитие» заслоняет всю жизнь, не дает жить.

«Как ребенок будет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня..?» – спрашивал Януш Корчак. А ведь, между прочим, ребенок не только «развивается», он и живет. И от того, насколько полной, разнообразной и счастливой будет его жизнь сегодня, в огромной степени зависит его завтра.

Нет, я не о социальном лидерстве: не в нем счастье человека. Я о том, каким он будет человеком, сумеет ли жить в мире и гармонии с собой и людьми.

Психолог Н. В. Жутикова в одной из своих книг рассказывает о мальчике, вся жизнь которого была расписана родителями по минутам: в результате ребенок оказался психически выжат, как лимон – наконец, стало понятно: он больше не выдержит. От него отступились. После чего он целый месяц с утра до вечера валялся на диване *и время от времени лаял*: это он так играл!

Уверяю вас: если так дальше пойдет, наши дети начнут не только лаять, но и кусаться! И что мы тогда будем делать? Купим им на... личники (не «намордники» же!)? И будем водить на поводках – на курсы тригонометрии для дошколь-

ников по системе Гаусса?..

Ребенок заговорил

Почему одни дети начинают говорить позже, другие раньше? Почему некоторые дети настолько опережают других в развитии речи? Что нужно делать, чтобы речь ребенка развивалась как можно лучше?

Поскольку я буду говорить здесь о развитии речи совсем маленьких (от годика до пяти лет) детей, читатель не найдет тут какой-то определенной методики развития речи, которую можно было бы использовать на специальных занятиях с детьми. Мне просто хочется предостеречь вас, уважаемый читатель, от весьма распространенных ошибок, которые делают многие родители. Итак!

Многие думают, что развитие речи требует особой ограничивающей среды (чтобы ребенок не отвлекался: как в школе), специально подготовленных взрослых, учебных занятий. Но это не так.

Известно, что дворянские дети – а они, как и всякие дети, были очень разные в смысле способностей – все великолепно владели иностранными языками, осваивая их в детстве. Между тем, специальных занятий не было – и учили их гувернеры и гувернантки, которые, как правило, не были профессиональными педагогами. Но у них имелось одно достоинство: они не знали ни слова по-русски. А ведь гувернер весь день с ребенком, играет с ним, гуляет, ест. И дети

выучивались с ними объясняться, незаметно осваивая язык. В то же время ни для кого не секрет: школьное обучение иностранным языкам гораздо менее эффективно.

Поэтому – правило первое: развитие речи ребенка происходит постоянно, в течение всего дня, когда он не спит.

Многие убеждены: все дело во врожденных способностях. Действительно, они имеют большое значение. Но далеко не решающее. Главную роль играет *обогащающая* (или не обогащающая) *среда*.

Один ребенок весь день с людьми, причем разными: и сверстниками, и детьми постарше, и взрослыми – он слышит вокруг себя разнообразную речь, далеко не всегда к нему обращенную (и не всегда понятную). Другой постоянно находится с одним-двумя людьми, которые за ним приглядывают и разговаривают очень мало. Нетрудно догадаться, какой ребенок будет лучше говорить: первый или второй.

Еще одно распространенное заблуждение: речь развивается только в процессе говорения (своего или окружающих). На самом деле речь и мышление, речь и воображение (и даже речь и личность!) развиваются вместе – как единое сложное Целое. Так что ребенок, который весь день активен, видит множество предметов, животных и людей, имеет возможность их трогать, принимает участие во множестве событий – не только лучше развивается вообще, но и неизбежно обгонит своего малоактивного и лишённого разнообразных впечатлений сверстника именно в развитии речи.

Взрослые часто убеждены: с ребенком нужно общаться *на его уровне*. Отсюда огромное количество «бесед» подобного рода:

ДОЧКА. Са-абацька!

МАМА (скучным голосом). Да, это собачка. Она бежит...

ДОЧКА. Са-абацька!!

МАМА (еще более скучным голосом). Собачка хорошая...

СОБАЧКА. Р-р-ррр! Гав!!

МАМА. Фу!.. Нет, это плохая собачка.

ДОЧКА. Са-абацька! (тянется к ней)

МАМА. Фу!.. То есть, что это я!.. Нельзя трогать! Собачка плохая!

Нетрудно заметить, что словарь такой мамы подобен словарю Элочки Шукиной, которая, как известно, обходилась ровно 30 словами. Что может почерпнуть ее бедная дочь из такого «общения»?

Но ведь нетрудно себе представить совсем другой разговор:

ДОЧКА. Са-абацька!

МАМА. Очень смешная, правда?

ДОЧКА. Мись-ная!

МАМА. Да, ужасно смешная! Смотри, какая у нее пестрая шерсть: и серая, и желтая, и бурая!

ДОЧКА. Са-абацька! Мись-ная!

МАМА. На редкость смешная собака. Но она, кажется,

голодная. Не покормить ли нам ее?

ДОЧКА. Пакальмить! Пакальмить!

МАМА. Замечательно! Чем же мы ее накормим? Может быть, дать ей пельменей? У нас, кажется, остались от ужина. Или пирожка с капустой? Или она будет есть яблоко?

ДОЧКА. Абляко!

МАМА. Нет, кажется, собаки яблок не едят. Собаке нужно мясо. Или, на худой конец, кусок хлеба. Беги домой, принеси!

И т.д., и т. п. Как видите, мама разговаривает с совсем маленьким ребенком, используя разнообразные лексику и синтаксис – почти так, как она говорила бы со взрослым собеседником. Причем, речь ее эмоционально насыщена: тут и удивление, и жалость, и восклицания, и риторические вопросы, и вопросы совсем не риторические, требующие от ребенка ответа, а для этого ведь сначала подумать надо – и, что очень важно, все это на самом деле обращено к малышке: мама действительно общается с ней, беседует с ней – это настоящий диалог, несмотря на то, что крошечный ребенок пока не в состоянии полноценно этот диалог поддерживать, но зато девочке интересно, она чувствует себя участницей эмоционально насыщенного увлекательного общения.

Так что мнение, что ради ребенка нужно опускаться на его уровень, абсолютно неверно. На самом же деле, с ребенком нужно учиться говорить так, чтобы ему было КОЕ-ЧТО ПОНЯТНО – и, главное! – ИНТЕРЕСНО вас слушать, в то же

время не боясь употреблять заведомо непонятные пока для малыша слова, фразы, синтаксические конструкции. ПОДНИМАЯ ЕГО тем самым ДО СВОЕГО – сравнительно с ребенком высокого – УРОВНЯ развития речи.

Еще одно весьма обычное заблуждение: очень важно, чтобы ребенок слышал только «правильную» речь. На самом же деле, для маленьких детей это не имеет значения, а если взрослые чересчур заботятся об этом, то даже вредно, потому что, опять-таки, обедняет его речевую среду.

Всем известно, что дети говорят неправильно, но именно таким образом они осваивают нормы языка.

Вот почему я считаю очень хорошим педагогом маму, которая как-то после обеда собирала со стола объедки в собачью миску, а маленькая дочка к ней приставала:

МАШЕНЬКА. Съ? Съ?

МАМА. Это мама не съела. А это Машенька не съела. Это объедки!

МАШЕНЬКА. А-бетьки! А-бетьки!

МАМА. Правильно, доченька: *кому объедки, а кому и обедки!*

А Машеньке, между прочим, полтора годика! Вы скажите: такую фразу не всякий взрослый сразу поймет. И зачем приучать ребенка не соблюдать нормы языка?

А потому что ребенок именно так мыслит, именно так – экспериментируя со словом – осваивает язык. В этом смысле, чтобы способствовать наиболее успешному развитию ре-

чи наших детей, нужно, как это ни странно, учиться у детей говорить так, как это свойственно им – с нашей точки зрения «неправильно» – а не с упорством, достойным лучшего применения, заставляя и себя, и их говорить всегда «правильно».

Что, собственно, делает ребенок, «коверкая» (как нам кажется) родной язык?

Вот маленькая (5 лет) девочка задает воспитателю вопрос: – *А дракон может ЗАГЛОТИТЬ дом?*

Да, такого слова «*заглотить*» нет. Однако вопрос понятен. Все средства языка употреблены, в общем-то, правильно. Приставка «за» действительно имеет в том числе и такое значение (сравните: «захватить», «завладеть» и т.п.). Правда, именно в этом слове принято употреблять приставку «про». Но фактически девочка, образовав несуществующее слово, продемонстрировала не то, что она плохо знает русский язык, а как раз то, что она его знает хорошо – и весьма творчески использует языковые средства.

Она ИГРАЕТ средствами языка – и тем показывает, что знает, как и когда уместно их использовать. А научиться говорить «проглотить» вместо «заглотить» она еще успеет, благо, что это-то как раз совсем не трудно.

Не случайно же такой замечательный «детовед», как К.И. Чуковский, одну из глав своей книги «От двух до пяти» целиком посвятил разного рода детским речениям – и при этом придал им вполне научный смысл!

Чего стоит, например, классическая фраза маленького мальчика, гулявшего с родителями по лесу и наткнувшегося на гнездо куропатки: рассказывая об этом эпизоде, малыш воскликнул: «Вдруг у меня из-под ног вылетела психопатка!»

Для нас это смешно – но ведь это самое настоящее языковое творчество, причем очень удачное, на какое взрослые бывают редко способны. Действительно, куропатка вел себя испуганно, панически – поэтому она ПСИХОпатка! Не в бровь, а в глаз!

Такое творчество детей надо поощрять, а не запрещать, впрочем, отличая его от просто грубых нарушений норм языка.

Часто родители много читают детям и убеждены, что при этом автоматически происходит развитие речи ребенка. Потом бывают разочарованы: мы так его развивали, а у него такая бедная речь! Но виноваты не книги.

Чтение и слушание действительно способствуют развитию речи, но только тогда, когда ребенок *умеет слушать и читать*. Не в техническом смысле, разумеется: я говорю о способности воспринимать и понимать текст. Совсем маленький ребенок воспринимает только события и наиболее яркие детали. Остроумие автора, характеры героев, отдельные интересные слова и выражения, описания – всего этого ребенок не замечает. Он будто слеп и глух.

Поэтому читать детям совсем не так просто, как многие

думают. То, что ребенок слышал текст, еще не значит, что он его сумел воспринять. После чтения (можно сразу, а можно и спустя день-два) попросите ребенка рассказать прочитанную сказку, нарисовать героев (для этого нужно вспомнить, какие они, или спросить у мамы); разговаривая с ребенком, употребляйте слова и выражения из сказки, чтобы малыш почувствовал, какие они интересные. Поиграйте с ним «в театр»: игру, сюжет и персонажи которой взяты из сказки.

Но делать это нужно «недидактически»: чтобы ребенок не догадался, что его «развивают».

И, конечно, важен выбор книг. Принцип здесь тот же: читайте детям то, что интересно и талантливо с вашей точки зрения – без всякой скидки на то, что это «детская литература», что, мол, дитя малое и глупое. Авторы, намеренно упрощающие свои тексты, «чтобы детки поняли», пишущие исключительно про белочек, кошечек и зайчиков – в сущности, не уважают детей, да и самих себя. Это, скорее, коммерсанты от литературы, чем настоящие писатели. Читайте детям классику, проверенную временем, не боясь, что ваш маленький слушатель чего-то не поймет.

И не забывайте, что слушать чтение – это все-таки скорее пассивное потребление. Лучше если ребенок сам научится читать: сейчас любого ребенка учат читать с 3 лет, а иногда и раньше, и вполне успешно – и главное – захочет самостоятельно читать. Вот это – самостоятельное чтение с увлечением – действительно по-настоящему развивает.

Для взрослых речь – это, прежде всего, информация. Поэтому им кажется, что и для детей именно это важно. На самом же деле, для детей речь – это, прежде всего, *способ выразить эмоции и коммуникация*.

Например, девочка, говорившая «Сабацька! Сабацька!» при виде собаки, вовсе не называла собаку (не констатировала, что это животное называется «собакой»), как казалось ее маме, а, во-первых, выражала свой искренний восторг при виде такого замечательного, редкого и экзотического зверя, а во-вторых, обращалась к «сабацьке», звала ее – вступила в общение (коммуникацию) с ней.

Соответственно, наша информативная, но эмоционально бедная речь детей почти не развивает. И еще: им все время нужно *что-то делать словами, чего-то добиваться словами*: это и есть коммуникация. Позвать кого-то – и чтобы тот, кого зовут, отреагировал. Восхититься – и чтобы кто-то разделил их восторг. Чтобы их речь приводила к какому-то практическому результату, на кого-то влияла – вот что нужно ребенку.

Поэтому уметь говорить по-разному (юмористически, сатирически, иронично, строго, грустно, мечтательно, задумчиво), с точки зрения эмоциональной заряженности речи, чрезвычайно важно – именно в смысле влияния нашей речи на развитие речи наших детей. Поэтому важно постоянно вступать в *диалог* с ребенком, а не вынуждать его выслушивать назидательные монологи взрослого.

В процессе развития диалог предшествует монологу – и так и должно быть в жизни каждого ребенка. Не воспринимать только то, что ему говорят, не внимать нам, умным и развитым, он хочет – а хочет общаться, хочет, чтобы его тоже слушали, реагировали на его слова и эмоции, которыми эти слова заряжены, хочет что-то значить для других людей. Влиять на них посредством речи – да, да!

А если этого нет, малыш разочаровывается в речи как таковой. Можно ведь обходиться почти без слов. Что фактически многие дети – и даже некоторые взрослые – и делают.

Кстати, и самим взрослым гораздо интереснее ТАК общаться с детьми, а не читать им нотации и произносить жутко информативные «лекции» -монологи.

Как видите, такой подход к развитию речи детей развивает в то же время и нашу речь, речь взрослых. И это общая закономерность: кто хочет, стоя на месте, как на пьедестале, поднять до себя ребенка, – тот никогда ничего не достигнет. Нужно идти вместе с ребенком, подниматься с ним. Да, мы ведущие, а он ведомый. Но мы поднимаемся *вместе*.

Мы не развиваем детей – это как раз невозможно, а *развиваемся вместе с ними*. И если мы не растем – то не вырастут духовно и они.

Книги для малыша

Как выбирать книги для своего ребенка? Есть ли тут какие-то критерии, кроме субъективного вкуса родителей (поскольку у самого ребенка никаких определенных литературных пристрастий пока нет)? Какие книги действительно полезны и интересны детям, способствуют их развитию? Почему часто бывает так: взрослые купили малышу книгу, с их точки зрения очень хорошую, старательно ее прочли, показали иллюстрации – но ребенок о ней не вспоминает и книга, брошенная, валяется где-нибудь в углу?

Давайте попробуем разобраться.

Во-первых, детская литература – это тоже литература. Самая настоящая, без всяких скидок. Чтобы ее создавать, нужен талант. Нужно знание жизни, людей, умение что-то заметить в них такое, чего не видят другие. Нужно мастерство рассказчика, нужно владеть словом. Нужно, чтобы писателю было что сказать своим читателям: чтобы это был душевно богатый, интересный человек.

Любопытно, что мало-мальски интеллигентные люди это прекрасно понимают, когда речь идет о литературе для взрослых, но почему-то перестают понимать, если это тексты для детей. Иначе никак нельзя объяснить, почему наш книжный рынок завален роскошно изданными, но крайне низкого литературного качества текстами, вроде:

Ложка – это ложка,

Ложкой суп едят.

А кошка – это кошка:

У кошки семь котят.

Как вы думаете: очень трудно сочинить такой стишок?

Большой для этого нужен талант? Много ума?

Кстати, этот текст Ирины Токмаковой считается у нас чуть ли не классическим и вызывает умиление и восхищение... нет, не детей – а очень многих взрослых. Особенно имеющих непосредственное отношение к издательскому бизнесу.

Дело в том, что книги «для детей» пишут отнюдь не дети, а взрослые. И им нужны слава, деньги, нужен успех. Решают, что из написанного издавать, что нет, тоже взрослые. Которые тоже кое-что на этом зарабатывают. И поэтому и тем, и другим выгодно убедить потенциальных покупателей (тоже взрослых), что **ВОТ ЭТО** (см. выше) и есть настоящая детская литература.

Почему выгодно? Потому что такие тексты можно печатать как блины – в любом количестве и без всякого труда. Не нужно ни таланта, ни внутреннего содержания – ничего. Это же для детишек: маленьких, глупеньких. **ДЛЯ НИХ** и так сойдет.

Вот почему нужно быть очень осторожными в выборе детских книг. Дурновкусие и бессодержательность заразительны и опасны. Поэтому, если тексты не нравятся вам, не верь-

те никому, не обращайтесь внимания на авторитеты: это не настоящая литература, это подделка! Вашему ребенку такие тексты не нужны.

Конечно, есть тут «тихая пристань» – классика. Андерсен, Перро, Маршак. Но надолго их не хватит. Как же все-таки ориентироваться в современной литературе, если имя автора вам ничего не говорит?

Ведь то, что текст нравится нам, взрослым, еще не значит, что он понравится детям. У детей совершенно особое восприятие – и жизни, и литературы.

Главное отличие хорошей детской литературы от литературы для взрослых известно всем – это острый сюжет. Детям нужны напряженные увлекательные события – иначе их внимание «не держится» на чтении.

Дети не реалисты. Они символисты, сюрреалисты, абстракционисты. Дело в том, что реализм – это какая-то довольно поздняя стадия развития.

Поэтому произведения для детей не должны быть «реалистичными» (в нашем понимании: то есть отражающими нашу жизнь, как она есть). Хороший детский автор исходит из идеала, а не из того, что есть: он пишет правду о человеке – но не о том, какой существует сейчас, а о человеке, каким он ДОЛЖЕН БЫТЬ. Поэтому главный герой текста для детей – всегда положительный герой. Поэтому добро в них всегда торжествует – потому что так *должно быть*.

Литература для детей и литература о детях – это разные

вещи. Не следует думать, что ребенка интересует только такой текст, главные герои которого дети. Читатель-ребенок отождествляет себя с героем-ребенком, только если этот герой умнее, смелее, удачливее всех взрослых (как в «Острове Сокровищ» Стивенсона). Но если благородный, добрый и смелый герой – взрослый, это ничуть не мешает маленькому читателю его полюбить.

Наконец, взрослые любят читать о том, что уже знают (приятно чувствовать себя умными и эрудированными), а дети – о том, чего не знают. Их привлекает неизведанное, таинственное, фантастическое.

Вот этим и отличаются тексты для детей от текстов для взрослых. Они не упрощенные, не идиотически-примитивные («птичка это птичка, птичкой суп едят; а крыска это крыска, у крыски сто крысят») – они **ДЕТСКИЕ**: яркие, остро сюжетные, фантастические, с четким разделением добра и зла. Они *особые*, – но написать хорошую книгу для детей ничуть не легче, чем для взрослых.

О «раннем развитии»

Если бы какой-нибудь высококультурный европеец, живший лет так 250 тому назад (например, Гёте или Вольтер), очутился бы вдруг в нашем времени, то, пожалуй, больше всего его удивило бы наше отношение к детям. И особенно – к маленьким детям. То, какое внимание им сейчас уделяется, сколько взрослых – квалифицированных профессионалов – заняты обучением, развитием совсем крошечных детей.

Это культурное достижение человечества, и одно из главных. И в то же время это большая проблема современных родителей. Потому что почти все они понимают: ребенка надо развивать. Но пока еще чаще всего плохо понимают, что именно и как нужно развивать у маленького ребенка.

Глебу три с половиной года. Его учат читать с помощью кубиков Зайцева: родители водят его на специальные занятия, конечно, далеко не бесплатные. Еще он ходит в кружок «Пифагоровы штаны». Еще – в студию «Домисолька»: развивает свои музыкальные способности. Через год начнет заниматься английским: это уже решено.

Я с Глебом не знаком, но часто его вижу: преподаю в той самой негосударственной школе, где Глеб «развивается по Зайцеву». Занятия эти происходят в соседнем классе: все слышно. Учительница все время повторяет: «Мо-ло-

дцы! Ой, какие молодцы!.. Молодец, Глеб! Молодец, Максимка!.. Ах, какие умницы!» – и так без конца, фальшивым сладеньким голосом, по всякому поводу: произнесет ребенок один слог правильно – и тут же его засыпают похвалами. На занятиях присутствуют родители, и, видимо, преподавателю очень хочется им понравиться.

После занятия мама или папа «в предбаннике» одевают сына. Он никогда не одевается и не раздевается сам. Я в это время в канцелярии заполняю журналы, дверь всегда открыта: мне хорошо видно все, что там делается. Родители Глеба – люди очень солидные, в меру упитанные, серьезные; на лицах – сияние самодовольства, сознание своей важности и значительности. Уж не знаю, кем они работают, но люди они – по современным меркам – весьма успешные.

Сын у них тоже крупный, хорошо кормленный, мясистый, краснощекий. Но физиономия у него неприятная, даже противенькая: всегда с выражением пресыщенности и брюзливой вредности.

Когда его одевают и раздевают, он порой ни с того ни с сего начинает молотить кулаками по лицу мамы или папы. Но родители – люди выдержанные: никогда ребенка не одернут, не прикрикнут – подержат за ручки, объяснят: «Ой, как некрасиво! Разве так можно себя вести? Перестань сейчас же!» Сын никакого внимания на эти слова не обращает.

Как-то рядом с Глебом примостился совсем маленький мальчишечка: у него была игра-конструктор, что-то он там

собирал. Глеб заинтересовался, подошел, по-хозяйски сгреб все детали, передвинул на свою сторону. Мальчик потянулся было к своему конструктору, – тогда Глебушко, выпятив нижнюю губу, изо всех сил толкнул его и стал садить руками и ногами, да так сильно, злобно! Малыш заплакал.

Мама с трудом оттащила сына, причем, и ей попало несколько раз. Вернула игру владельцу. Но только чуть отвернулась, сынок схватил спорную вещь, сбросил на пол, наступил ножкой. Раздался треск. Мама снова схватила сына, стала ему выдержанно и спокойно объяснять, почему так себя вести нельзя. Он, набычившись, отвернулся, бросая злобные взгляды на противника и, конечно, не слушая, что ему говорят.

Еще я заметил, что этот ребенок никогда не отвечает тому, кто с ним заговаривает: просто не обращает внимания – даже если это его мать или отец. Порой он произносит – а часто и громко выкрикивает – отдельные слова и фразы, часто довольно неприличные: но без всякой связи с тем, что ему говорят. Добиться от него ответа можно, только если как-то его поощрить: что-то подарить, похвалить – он привык ничего не делать даром.

Ване тоже три с половиной. Он живет в деревне, где я отдыхаю каждое лето. Я хорошо знаю всю его семью (Ваня – четвертый по счету, а всего детей в этой семье пятеро) и самого Ваню. Ваня еще не учится читать, и даже его старшая

сестра, шестилетняя Алена, тоже пока не читает, знает только отдельные буквы.

Зато Алена уже умеет срезать траву маленьким серпом, скирдовать сено, кормить скотину. Умеет окучивать картошку, поливать, удобрять и окапывать ягодные кусты. Прекрасно ориентируется в лесу, находит грибы лучше взрослых, собирает бруснику, землянику.

Ваня тоже уже многое умеет. Физиономия у него простецкая: нос-курнос, волосы как солома, рот до ушей, веснушки – но он чрезвычайно симпатичный, вроде подсолнуха. Очень любит помогать взрослым: и не просят его, а он обязательно притащит какое-нибудь угощение, что-нибудь интересное расскажет. Он всегда отвечает на все вопросы и сам задает множество вопросов. Готов выполнить любое поручение. Ужасно живой и шустрый, глаза горят от возбуждения и интереса к жизни. На любого нового человека смотрит с восторгом, как на инопланетянина, и ждет от него всяческих чудес.

Ваня тоже часто дерется, но, по словам Алены – его главной воспитательницы – никогда не начинает первый и охотно мирится. Он не только сам одевается и раздевается, но сам стелет свою постель, сам бегаёт по всей деревне и всюду сует свой нос. Надо сказать, ужасно любопытный нос!

Кто же из этих двух детей *более развитый*? Кому из них больше подходит модный ныне ярлычок «РАННЕЕ РАЗВИТИЕ»?

Еще несколько десятилетий тому назад трудно было себе представить родителей трех-четырёхлетнего ребенка, которые уже озабочены его развитием (т.е. развитием его интеллекта, памяти, отдельных способностей и пр.). Пока мал – был бы здоров и весел. Пусть пока играет – учеба от него никуда не уйдет. Так думали в «патриархальных» семьях.

В этом смысле мы живем в полном смысле слова в другую эпоху, в совершенно ином мире, в ином культурном пространстве, с иной системой ценностей. Сейчас «раннее развитие» считается нормой. Это обычно. Это, наконец, престижно.

Но всегда ли мы хорошо понимаем, что это такое – «раннее развитие»?

Появлению термина «раннее развитие» (а это научный термин, хотя одновременно и общеупотребительное выражение) мы обязаны замечательному человеку и педагогу, «заслуженному отцу» семерых детей, Борису Павловичу Никитину. Что же он имеет в виду, когда говорит о «раннем развитии»?

Оказывается, у Б. Никитина – это особая педагогическая концепция, специфический подход к воспитанию и развитию ребенка. Согласно этой концепции, нужно:

Создать для ребенка *как можно раньше* максимальное богатство возможностей для разнообразной деятельности. В распоряжении ребенка должны быть развивающие иг-

ры (не развивающие *что-то одно*, а развивающие многое), спортивные снаряды, зеленая полянка, куча песка, разнообразные «строительные материалы» (кубики, в том числе – с буквами и слогами; досочки) и пр., и пр. Т. е. «среда обитания» ребенка должна быть *максимально разнообразной*.

При этом, что и когда ему делать, чем заниматься – решает сам ребенок. Ребенок сам выбирает, что ему делать, как и когда делать. Начнет он интересоваться конструктором в 2 года – ну, что ж: возможно, это будущий Эйфель. Начнет в 5 лет – и это хорошо. В этом понимании «раннее развитие» – это *своевременное* развитие, развитие, соответствующее индивидуальности ребенка, именно для него органичное.

Т.е. «раннее развитие» в этом смысле вовсе не антоним «позднему развитию». Это антоним *усредненному* развитию, когда слово «развитие» понимается как развитие одного и того же у всех детей одновременно. Антоним обезличенного безындивидуального развития (без учета индивидуальности ребенка). «Раннее развитие» – это сугубо *индивидуальное* (совсем не обязательно такое уж раннее и стремительное) развитие.

Как видите, взгляды Б. Никитина возникли «по отталкиванию» от обычного «школьного» понимания развития, при котором:

Для детей искусственно создается замкнутая и однообразная среда, ограничивающая их возможности (школьный

класс, где можно делать только что-то одно, все остальное запрещено);

Что делать и когда делать, за детей решает взрослый;

Притом все делают одновременно одно и то же: индивидуальность ребенка не имеет значения.

Б. Никитин сформулировал закон – он назвал его законом необратимого угасания возможностей эффективного развития способностей (сокращенно – НУВЭРС) – который состоит в том, что если не предоставить ребенку КАК МОЖНО РАНЬШЕ самые разнообразные возможности для деятельности, то какие-то его способности, имевшиеся от рождения, «необратимо угаснут». Вот в чем смысл «раннего развития»!

И вот мы дожили до такого счастливого времени, когда очень многие родители занимаются «развитием» своих чад чуть не с пеленок, водят их на различные курсы, в школы. Если Алла Пугачева все еще поет, что «нынче в школе *первый класс* вроде института», то она безнадежно отстала от жизни: нынче все дошкольное детство – «вроде института».

И вот что любопытно: одним из первых авторитетных педагогов, выступивших с резким протестом против подобной общественной практики, оказался Б. Никитин! Казалось бы, его идеи «пошли в массы»: радоваться надо. Ничего подобного!

Все дело в том, что обыденное понимание «раннего развития» не имеет ничего общего не только с концепцией Б. Никитина, но и вообще с педагогикой (и даже – вообще с под-

линной человеческой культурой). В обыденном понимании «раннее развитие» – это просто *сдвигание* возраста начала обучения *школьного типа «вниз»*, к самым первым годам жизни ребенка.

Между тем, любой мало-мальски грамотный специалист, педагог или психолог, и даже любой приличный студент пединститута 2 курса скажет вам, что классно-урочное обучение не годится для маленьких детей в принципе, что *таким способом* научить чему-то ребенка дошкольного возраста нельзя, и нельзя его «развить».

Все дело в том, что «раннее развитие» – это прибыльный бизнес. Затрат самый минимум, а прибыль очень значительная. Это все и объясняет.

Ведь мы же покупаем очень много такого, что, в сущности, не только не нужно для жизни, но и создает дополнительные проблемы: но мы покупаем это, платим деньги, выкаем этим пользоваться и уже не можем без этого обойтись.

Такова особенность современного общества: кто-то приобретает что-то очень часто не потому, что это нужно *покупателю*, а потому что нужно *продавцу*. Нужно, чтобы получить прибыль.

А дети – это просто жертвы. Жертвы нашего безумного взрослого мира. Заложники нашей глупости, нашей внушаемости, нашей манипулируемости. «Вкладывайте в образование своего ребенка» – это формула внушения. Такой массо-

вый гипноз, опять же очень характерный для Общества Потребления, в котором мы живем.

И вот ему нужно уметь не поддаваться. То, что ребенок сидит на каких-то ужасно развивающих занятиях, на каких-то курсах – совсем не значит, что он развивается. То, что ребенок копается в песочке, глазеет в окно или просто с философическим выражением лица ковыряется в носу – не значит, что он не развивается. Наукой пока не установлено, какие подвижки в развитии ребенка дает процесс ковыряния в носу, но я уверен, в будущем это обязательно установят. И, может быть, кто-то еще получит за это какую-нибудь премию.

Так кто же у нас более развитый: Ваня или Глеб? Конечно, Глеб *раньше* научится читать. Но будет ли он *любить чтение*? Ванины жизнерадостность, огромный интерес к миру и людям тоже ведь чего-то стоят. А как быть с нравственными качествами: у кого из них больше шансов стать хорошим человеком? Или это в эпоху «рыночных отношений» совсем не важно?

Иногда мне кажется, что некоторые родители покупают своим детям «раннее развитие» так же, как они покупают себе машины и компьютеры: что дороже, престижнее – то и лучше. Но всегда ли это так?

Умейте быть самостоятельными и независимыми и не поддаваться массовому внушению. Это нужно и вам самим – но особенно вашему ребенку.

Впрочем, все сказанное не означает, что любые «коммерческие» развивающие программы – плохие. Дело не в этом, конечно. Есть много очень даже интересных и полезных курсов и программ для малышей. Дело в нас, взрослых, у которых есть дети. Нам нужно избавиться от иллюзии, что развитие своему ребенку можно КУПИТЬ. И только тогда мы сможем понять, что же нужно нашему малышу, а что нет.

Материнская власть

История человечества насчитывает сотни людей, имевших огромную власть. Царей, императоров, полководцев, генеральных секретарей, президентов, премьер-министров. Почти все они мужчины.

И в то же время на Земле жили и живут сотни миллионов женщин, имеющих гораздо большую власть. В их руках сосредоточена власть абсолютная, безграничная: такая, какую только может иметь один человек над другим человеком. И это никакой не парадокс, и никакая не загадка. Просто у этих женщин есть дети – или хотя бы один ребенок.

Возвращаясь с работы, я каждый день прохожу через огромный современный двор-колодец. Вокруг – огромные дома. В самом центре двора – детская площадка. Иногда останавливаюсь понаблюдать за детьми.

Как-то я вот так остановился: мне понравилась маленькая девочка. Я ее сразу окрестил Красной Шапочкой: на голове у нее был вязаный чепчик ярко-алого цвета. Девчушка крохотная и кажется ужасно толстенькой из-за теплого комбинезончика вишневого цвета, поверх которого повязан шарф – так что малышка похожа на кулек, завязанный веревочкой.

На скамеечке две девочки постарше играют в магазин. У них картонная коробка, куча пластиковых бутылок разно-

го калибра, набитых снегом, и фантики вместо денег. Вот фантики-то неудержимо привлекают Красную Шапочку: она остановилась рядом, глаза широко раскрыты и даже язык высунула от возбуждения.

Но девочка тут не одна, с мамой. У мамы лицо совершенно детское: такая совсем молодая мама. И вот мама решила, что пора уходить.

Сначала она зовет ребенка, стоя в 3—4 метрах от него. Та не реагирует. Мама повышает голос, но тон у нее какой-то неуверенный: девочка показывает, что слышит, машет ручками – дескать, отстань, видишь, я занята важным делом!

Тогда мама подходит и пытается дочку поймать и увести: не тут-то было. Т.е. ребенку-то года 2 и поймать его ничего не стоит, но наша юная мама такая солидная: двигается она медленно, стараясь не уронить своего достоинства взрослого человека. Бегать? За ребенком? Никогда! – такой у нее вид.

Красная Шапочка удрала от мамы-волка. Довольна, конечно. О фантиках, кстати, она уже забыла: ее увлекла новая игра в Волка и Красную Шапочку.

Мама слегка растеряна. Постояла, глядя в сторону, будто это вовсе и не ее ребенок. И придумала! И говорит:

Ну, ты остаешься? Оставайся! А я уйду!

Очень твердо сказала. Повернулась так демонстративно спиной и пошла. Но медленно.

Потом все-таки остановилась, оглянулась. Девочка застыла, смотрит на нее расширенными глазами, но с места не дви-

гается. Мама – ей, очень громко:

Я уйду от тебя! А Катя остается одна! Без мамы! Мама уходит совсем!

И пошла-пошла, решительно так, быстро и уже не оглядываясь. Дошла до прохода между домами и там остановилась.

Боже, что было с ребенком! Как она рыдала, как кричала; упала на снег, дрыгает ручками и ножками, будто пришел ее последний час. Но мама явно решила проявить твердость: стоит – правда, со смущенным выражением лица – и упорно ждет капитуляции противника.

Не знаю, чем бы это кончилось: ребенок просто заходился от крика, уже хрипеть начал – но тут не выдержал я. Подскокил к девочке, схватил ее в охапку и бегом к маме. А та – бегом ко мне! Видно, подумала, что я ее дочку хочу украсть.

Я ей ничего не сказал: только посмотрел на нее. Но она, кажется, мой взгляд поняла, потому что ужасно покраснела и опустила глаза.

Для ребенка нет ничего страшнее, чем остаться без мамы. И, конечно, такой маленький ребенок не понимает, что мама (да и любой взрослый) может намеренно его обманывать: обещать – но не сделать этого. Раз мама так сказала, значит она действительно уходит. Бросив ее одну! Навсегда!

Такой приговор равносителен приблизительно пожизненно-му одиночному заключению. За что можно получить такое наказание? За какое-то самое наитягчайшее преступление.

Если бы этой девочке сказали, что через десять минут весь мир взорвется, Земля расколется и все люди погибнут – она бы так не испугалась. Конечно, если бы мама была с ней.

Лучше пусть гибнет вся Вселенная, но чтобы мама была рядом. Мама важнее Вселенной, важнее всех людей, важнее Бога.

Нет, на Земле не существует такой роли, которая была бы хоть в какой-то мере сравнима с ролью Матери. Самый могущественный, самый влиятельный человек на Земле – это Мать.

Но как же осторожно нужно ей пользоваться своей невероятно огромной властью! Как хорошо понимать, что происходит в душе ее ребенка.

Одно слово, улыбка, прикосновение – и человек на вершине блаженства и счастья, душа его полна света, уверенности и покоя. Это может мать. Но она может и другое: одно слово, одно движение – и тот же человек падает в пучину отчаяния, ужаса, одиночества и безнадежности.

Я думаю, что мама Красной Шапочки, в общем, добилась своего: дочка теперь будет ее *«панически слушаться»* – так это можно назвать. Вот только – какой ценой добилась она этого послушания?

А ведь все было предельно просто. Чтобы увести ребенка, можно было:

Напомнить о чем-то приятном, что ожидает дома;

Побегать за ребенком и поймать его – в шутку, играя с ним, разумеется;

Просто подождать, пока он сам соскучится и подойдет.

Вот и все. Так просто.

Власть – она ведь бывает разная. Бывает строгая, но разумная. А бывает деспотическая. Когда тот, кто имеет власть, хочет добиться послушания во что бы то ни стало. И чаще всего – от неуверенности в себе. Боится, что иначе его не станут слушаться.

Он боится – и потому ему хочется, чтобы его боялись. Боялись еще больше, чем боится он сам.

Много есть должностей, которые не так-то просто занять. Сначала нужно долго учиться, готовиться, набираться опыта. И только потом – если ты сумеешь, если тебе повезет!

А «должность» Матери? Самая-самая ответственная! Ее может занять любая девчонка. Без всякой предварительной подготовки.

Вот почему не могу я осуждать маму Красной Шапочки, не виновата она. Разве ее кто-то учил быть Матерью?

Но, может быть, она все-таки задумается? И поймет, какая огромная ответственность на ней лежит...

Когда-то было хорошо сказано: «Если ты погубил одного человека – это все равно как если бы ты погубил целый мир. Если ты спас человека – это все равно как если бы ты спас весь мир».

Мать – это как Бог. Потому что маленький человек – как и всякий вообще человек – это целый мир. И этот мир – полностью в ее власти.

«Кибердетки»

Часто (и с годами – все чаще) приходится слышать: «Мой (моя) только и знает: видик да компьютер!» «Играет в эти компьютерные игры часами! Что он (она) в них находит?» «Хоть бы книжку почитал!» – и т.д., и т.п.

Действительно, мы оказались педагогически неготовы к «эре технического прогресса». Мы покупаем телевизоры, видеомагнитофоны, компьютеры: мы современные люди, боимся отстать от своего века. Но потом с ужасом замечаем, что эти сложные технические игрушки ПОДЧИНЯЮТ СЕБЕ НАШИХ ДЕТЕЙ. Ребенок играет в компьютерные игры и смотрит телевизор *все свое свободное время*: он не читает, не общается, ничего не делает. В результате – не развивается, и даже по сути не живет!

И родители, крайне обеспокоенные, спрашивают: что делать?

Почему компьютерные игры и видеофильмы (а в данном случае это почти одно и то же) так привлекательны для детей? Дело в том, что ребенок – существо духовно слабое, не уверенное в себе: в реальном мире он пока чувствует себя некомфортно. Реальность – материальная и социальная – требует знаний, умений, терпения, мужества и силы. Тогда

ты будешь успешен, будешь хорошо себя чувствовать. Реальный мир предъявляет человеку жесткие требования, а дети им пока не соответствуют.

В мире же виртуальном можно получить максимальное удовлетворение без всяких усилий. Ты убиваешь всех своих «врагов»: ты мудр и всемогущ, ты супермэн! И при этом – ни за что не отвечаешь.

Ведь, *играя, мы испытываем настоящие чувства*: это всем известно хотя бы по собственному опыту. Если игра представляет собой имитацию войны, убийства, то играющий испытывает злобу, ненависть, садистскую радость. Попробовал бы он дать себе волю в реальной жизни! Тюрма ему пока не грозит, но есть многое другое, для ребенка очень неприятное: гнев родителей, наказания. А в мире виртуальном можно все: и об этом никто не узнает, не накажет.

Здесь можно «быть» кем угодно, делать что угодно – без всякого труда и без всякой ответственности. Вот почему этот «антимир» так привлекает детей.

Что же происходит с душой ребенка, полностью ушедшего в «антимир»? Во-первых, начинают ослабевать внутренние «тормоза», блокирующие деструктивные импульсы: те, что не одобряются людьми и собственной совестью. Импульс теперь сразу превращается в действие: эта привычка вырабатывается в условиях длительного «КАК БЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ» в виртуальном мире.

Во-вторых, такой ребенок, чтобы удовлетворить любые

свои потребности, БОЛЬШЕ НЕ ХОЧЕТ ДЕЛАТЬ НИКАКИХ УСИЛИЙ: это тоже привычка, вынесенная из «компьютерного зазеркалья». Он хочет все получать «за так»: без труда и усилий. И ему кажется, что он имеет на это право.

Он уже не хочет читать. Почему? Потому что *чтение – труд души*, и труд немалый. Писатель дает только отдельные черточки, штрихи – остальное нужно **ВООБРАЗИТЬ**, чтобы было интересно. А это труд! Нужно думать, пытаюсь понять мотивы героев – и это труд! Нужно по знакам (а слова – это всего лишь знаки, условные значки) отгадать все те реальные вещи, предметы, события, характеры, которые описывает автор: нужно догадываться о массе оттенков в значениях, связать эти значения между собой, совершая огромную работу по раскрытию смысла текста – а иначе будет неинтересно читать!

Вот почему **ЧТЕНИЕ РАЗВИВАЕТ**. Развитие происходит, когда человек делает усилия, трудится, «потеет». Причем, добровольно – по своей охоте!

А «теледетка» уже отвыкла от душевного труда. Это как лентяй, полгода пролежавший на диване: пригласите-ка его на прогулку! Ни за что не пойдет! Для него то, что обычно и естественно для всякого нормального человека, – это тяжелый мучительный труд.

Так что же: сломать компьютеры и телевизоры, отказаться от них? Но этого мы сделать не можем. Значит, нужно «вы-

работать иммунитет». Чтобы к тому времени, когда ребенок начнет самостоятельно пользоваться телевизором, видеком, компьютером, он уже не мог заболеть «виртуальной наркоманией».

Что же нужно делать?

Во-первых, развивать воображение детей. Если у человека воображение хорошо развито, он почти наверняка полюбит чтение: как мы уже заметили, чтение художественного текста – это всегда работа воображения: это очень интересно, увлекательно, но: если воображение «тренированное»!

Как его развивать? Фантазировать вместе с ребенком! Вот снежинки падают с неба. МАМА. «А откуда они падают?» ДИМА. «С Луны!» МАМА. «Ты думаешь? Здорово!» ДИМА. «Они там живут... всегда!» «У них там есть домики?» «Нет. Они живут в таких... норках!» «Ах, в норках! Что же, они их роют?» «Нет. Там они есть... просто так есть... и все!» «Норки?» «Ага!» «Они глубокие?» «Ну, так... чуть-чуть глубокие...» «Там темно?» «Ага!» «Бедные снежинки! Как им там темно, холодно – правда?.. И вот одна снежинка сказала: Давайте полетим на Землю! Смотрите, какая Земля большая, зеленая, светлая! Там, наверное, тепло и хорошо...» «Нет, дай я, я скажу!.. И они полетели, полетели... полетели...» «Вокруг была черная ночь!..» «Нет, дай я... И они скоро прилетели...» «К Диме!» «К Диме!» «Конечно! И легли на подоконник Диминого окна. И сказали: «Ой, кто это?» «Это Дима!..»

Это запись разговора с трехлетним мальчиком: сначала он занимался в кружке «Сказочный мир» (где учат **не слушать** сказки, **а сочинять** их), а потом с мамой дома. Дима почти гарантирован от «виртуальной заразы», потому что он *любит фантазировать*, убежден, что это очень увлекательное занятие.

Мама Димы на прогулке всегда разговаривает с ним о том, что они видят. Почти все дети, даже гораздо старше Димы, знают всего 5—6 названий цветов (красный, синий и пр.); примерно столько же слов, обозначающих человеческие чувства. А Дима знает слова «лиловый», «сиреневый», даже «медовый» (есть такие деревья: у них ствол медового цвета!). Знает названия множества растений. Знает, что такое «недоумение», «беспокойство», чем «беспокойство» отличается от «страха». Ему интересно жить, ему интересен окружающий мир, и значит, будут интересны книги об этом мире. А думать, понимать – уже привычное для него занятие.

Вот другой пример: девочка Лана. Ее в три года начали учить читать. Научили. То есть она освоила технический навык. В шесть лет она бегло читала на уровне 5 класса средней школы. И что же? Читать она не любит! И, конечно, не читает.

К сожалению, многие родители не понимают, что *мотивация важнее технического навыка*: важнее, чтобы ребенок **ЛЮБИЛ ЧИТАТЬ**, – а **УМЕЕТ ЛИ ОН ЧИТАТЬ** – менее важно. Поэтому все внимание уделяют обучению техниче-

скому навыку, выучивают – после чего ребенок НЕ ЧИТАЕТ: не хочет! А нужно было бы **сначала УВЛЕЧЬ ЧТЕНИЕМ**, привить любовь к чтению.

Вместо этого часто, видя, что чадо совсем не читает, его «усаживают за книгу»: попросту *заставляют читать* – и тем самым неизбежно *отучают от чтения!*

Чтобы ребенок сам читал, любил книгу, нужно своевременно (т.е. до того, как он научится читать!) увлечь его языком, словесным творчеством. Поиграть с ним в игру «Отгадай, что это» – например, так: «Это похоже на сверкающие искорки – что это?» (это снежинки). «Это похоже на кусочек сыру» (Месяц). Или так: «Что такое колоток?» (Молоток) «Кто такая рыжка?» (Белка: она же не белая, а рыжая!). Сравнения, словотворчество (придумывание слов, которых нет в языке) – это художественные средства, которыми пользуются писатели: освоив их еще до начала самостоятельного чтения, ребенок в мире книг будет чувствовать себя как дома.

Известный педагог и детский поэт В.А.Левин доказал, что *нормальное литературное развитие ребенка идет от сочинительства к самостоятельному чтению!* Да, да! Ребенок сначала «становится писателем», а уже потом – читателем! Прежде он играет с художественными средствами родной речи, занимается словотворчеством, не подозревая, что все это «детали», «винтики» художественного текста. Прежде он фантазирует, сочиняет – и только потом начинает читать!

В этом случае ребенок сразу начинает читать *активно*. Если же его «закармливают» сказками, приучая пассивно слушать чье-то чтение, *потреблять* его, то это почти ничего не дает для развития.

Наконец, почему бы не постараться пробудить у малыша интерес к людям, к их характерам, психологии? Обсуждать с ним поведение разных людей: пусть он попробует догадаться, почему разные люди ведут себя по-разному. Ведь это очень интересно! А кто интересуется людьми, тот всегда любит читать.

Кроме того, к «погружению в виртуальный мир» гораздо более склонны *одинокие дети*. Дети, которым не с кем играть и общаться. Если же у ребенка есть друг, подруга, есть свой круг общения, он вряд ли променяет его на «как бы жизнь», когда столкнется с ней вплотную. Так что стоит об этом заранее позаботиться.

А еще сейчас масса детей, у которых очень занятые родители. Родителям некогда полноценно общаться с ребенком, дружить с ним. Родители для малыша – фактически неблизкие люди. А еще: очень много стало «заорганизованных» детей. Утром у ребенка садик, потом школа или какие-то специальные занятия, чем-то он еще занимается дома, в каких-то кружках: это все *за него решили взрослые*, а он вынужден подчиняться. Но человек так устроен, что может хорошо себя чувствовать только тогда, когда действует **ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ**, самостоятельно. Ребенок, из-

мотанный «развивающим» принуждением, хватается за первое, что у него есть под рукой, чтобы все-таки почувствовать себя человеком, личностью: и это часто оказываются компьютерные игры. Это он выбрал сам, в игре он все делает сам.

Многие родители не понимают, что личностное развитие важнее функционального (т.е. развития памяти, мышления, отдельных способностей), а происходит личностное развитие только при самостоятельной активности ребенка.

Так родители, конечно, «не ведая, что творят», своими руками «расчищают дорогу» «компьютерной заразе».

А что ребенок умеет делать? Вернее: что ему **нравится** делать? Рисовать? Собирать конструктор? Что-то мастерить из пластилина? Лазить и кувыркаться? Все это интересней пребывания «в антимире». Но пусть у него будет возможность найти, открыть то, что он любит делать – открыть *как можно раньше*.

Все-таки, как быть, если ваш ребенок «уже заболел»? Не заставляйте читать! Тем самым вы отвратите ребенка от чтения! Не запрещать играть в компьютерные игры (может быть, ограничить во времени, не более того, – но и это аргументировать «не педагогически»: например, тем, что слишком много приходится платить за электроэнергию)! Тем самым вы сделаете их еще привлекательнее! Делать, в общем, то же самое: пытаться увлечь фантазированием, языковыми играми, побольше общаться с ребенком на разные темы – и пр., и пр. И запастись терпением: «излечение» –

процесс длительный, гораздо более трудный, чем «профилактика».

Бурьян растет там, где никто не позаботился посадить культурные растения. Просто «свято место» в душе ребенка не должно быть пусто. И тогда бояться за него не придется. Для такого ребенка компьютер и видик не станут «кровожадными идолами», а будут тем, чем и должны быть: техническими приспособлениями, обслуживающими наши потребности.

Техника вообще что-то делает *за нас*. Для того и предназначена. Но НЕ ВСЁ она должна делать за нас. Не жить за нас. Пусть она делает кое-что: выполняет технические операции – чтобы освободить наше время для творчества, для подлинной человеческой жизни. Тогда она будет на своем месте.

«Теледетки», «компьютерные детки» – это дети душевно больные. Но не компьютеры и видеки виноваты в том, что они заболели. В сущности, этих детей все равно нельзя считать здоровыми: они одиноки, у них нет любимого дела, они не любят и не умеют мечтать, фантазировать. Их души – это духовные пустыри, где прорастает и цветет буйным цветом любое «злое семя».

Просто нужно вовремя – начиная с раннего детства – «засадить» их души «полезными растениями», ухаживать за ними, пропалывать и поливать. Тогда и «урожай» будет соответствующий.

«Я – хороший!»

Все дети совершают так называемые «плохие» (с нашей, взрослой, точки зрения) поступки. Дерутся, обижают животных и друг друга, надоедают взрослым, кричат, говорят неправду, не едят манную кашу. Что в этом случае делать нам, взрослым? Понятно, рецепта на все случаи жизни – нет. Но есть тем не менее некоторые очень простые правила, которые лучше соблюдать всем и всегда.

Кольке три с половиной. На вид это не ребенок – ангел: светлые мягкие волосики, большие наивные, как у котенка, глазки. Этакое дитя с журнальной обложки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.